

Научная статья

УДК 821.161.1-312.6.09«18»

DOI 10.37724/RSU.2022.74.1.011

Биографический очерк в творчестве Я. П. Полонского

Татьяна Васильевна Федосеева¹, Дарья Олеговна Ушакова²

^{1,2} Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия

¹ t.fedoseeva@365.rsu.edu.ru

² davydova.dash@yandex.ru

Аннотация. Исследуется жанровое своеобразие малоизученной очерковой прозы Я. П. Полонского. Впервые осуществляется системное рассмотрение ряда произведений, типологически определяемых жанровыми чертами биографического очерка: «Саят-Нова», «Иван Иванович Соколов», «Стихотворения Мея», «Владимир Григорьевич Бенедиктов», «“Стихотворения А. М. Жемчужникова”: критический разбор стихотворений Я. П. Полонского», «Л. А. Мей как человек и писатель. (Из литературных воспоминаний)». Тексты произведений, опубликованные в разные годы, позволяют говорить об устойчивой жанровой тенденции в творчестве писателя. Биографический очерк определяется как синкретический жанр, восходящий к романтической идее человеческой индивидуальности в биографическом и ментальном ее своеобразии. Синкретизм жанра состоит в соединении художественности с документальностью. Системное рассмотрение произведений Полонского осуществляется с целью конкретизации принципов их композиционно-стилевого построения и характера авторских стратегий. В биографической описательности очерков писателя прослеживается аналитическая составляющая. Установлено, что в ранних очерках Полонский выстраивает авторскую повествовательную стратегию в логике тесной связи творчества художника с его личностными свойствами и убеждениями. В авторской стратегии биографических очерков, посвященных Л. А. Мею, В. Г. Бенедиктову, А. М. Жемчужникову, просматривается путь автора к постижению «поэтической личности» поэта. От определения характера биографической личности поэта автор очерков переходит к анализу поэтических свойств его произведений. Объединяются художественная и аналитическая стратегии в историческом, культурном и художественно-эстетическом пространстве. В жанре биографического очерка Полонский создает концептуально определенный образ творческой личности, которая раскрывается в аналитических наблюдениях очеркиста.

Ключевые слова: авторская стратегия, документальность, жанр очерка, мировоззрение, поэтическая личность, сущность искусства, художественный дар, Я. П. Полонский.

Для цитирования: Федосеева Т. В., Ушакова Д. О. Биографический очерк в творчестве Я. П. Полонского // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 1 (74). С. 116–126. DOI: 10.37724/RSU.2022.74.1.011.

Original article

J. P. Polonsky's Bibliographical Essays

Tatiana V. Fedoseeva, Darya O. Ushakova

Ryazan State University named for S. Yesenin, Ryazan, Russia

¹ t.fedoseeva@365.rsu.edu.ru

² davydova.dash@yandex.ru

Abstract. The article investigates genre peculiarities of little-investigated essays by J. P. Polonsky. The novelty of the research consists in the fact that the paper presents a systematic analysis of a number of bibliographic essays: “Sayat Nova”, “Ivan Ivanovich Sokolov”, “Mey’s Book of Po-ems”, “Vladimir Grigryevich Benediktov”, ““A. M. Zhemchuzhnikov’s Poems’: Analyzing J. P. Polonsky’s Poems”, “L. A. Mey as a Person and a Writer (Literary Memoirs)”. The analysis of texts published in different years enables the researchers to investigate typical features of J. P. Polonsky’s bibliographical essays. Bibliographical essays are a syncretic genre romanticising human individuality through biographical and mental descriptions. The syncretic nature of the genre consists in the unity of fictional and realistic details. A systematic analysis of J. P. Polonsky’s works is aimed at investigating their stylistic and structural peculiarities, the author’s choice of devices and strategies. J. P. Polonsky’s bibliographic essays are analytical. J. P. Polonsky’s early essays abound in his ideas and convictions. The analysis of J. P. Polonsky’s bibliographic essays about L. A. Mey, V. G. Benediktov, and A. M. Zhemchuzhnikov shows J. P. Polonsky’s views on a poet’s inner world. J. P. Polonsky’s bibliographic essays analyze both the author’s personality and the nature of their work. J. P. Polonsky analyzes historical, cultural, artistic and aesthetic aspects of works, analyzes the concept of a creative person.

Keywords: author's strategy, documentary, essay, poet, creative person, essence of art, poetic gift, J. P. Polonsky.

For citation: Fedoseeva T. V., Ushakova D. O. J. P. Polonsky's Bibliographical Essays. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2022; 1 (74):116–126. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2022.74.1.011.

Введение

Художественное пространство постмодернизма включает в себя многовековой опыт мировой литературы и искусства. В литературе конца XX — начала XXI века цитация — непереносимое условие «литературной игры», которую автор с удовольствием предлагает читателю. Именно представители постмодернизма обратили особое внимание на характерную черту любого художественного текста — опору на предшествующие источники — и возвели ее в ранг наиболее частотного метода современной литературы. Интертекстуальность — термин, введенный Ю. Кристевой в 1960-х годах, который органично вписался в современное литературоведение, заменив целый ряд приблизительных и описательных дефиниций. Исследователь утверждает: «Любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст — это выпитывание и трансформация какого-либо другого текста» [Кристева, 2004, с. 167]. В современной литературоведческой традиции интертекстуальность понимается в первую очередь как литературный прием [см.: Смирнова, 2018]. Современные авторы постоянно обращаются к чужим текстам. Причины использования данного интертекстуального приема — стремление привлечь внимание читателей, необходимость провести параллели с уже существующими текстами, дополнить их новым содержанием и смыслом.

В качестве прозаика Я. П. Полонский заявил о себе в кавказский период творчества (1846–1851). Тогда в русской повествовательной прозе сложилась тенденция к распространению очерковой авторской стратегии в совмещении художественности с документальностью. На эту особенность обратили внимание многие исследователи, в частности М. Н. Эпштейн взаимодействие «чистого образотворчества с понятийным мышлением» считает определяющим свойством русской литературы на протяжении всего XIX века [Эпштейн, 1988, с. 363]. Следствием такого взаимодействия стала очеркистика, расцвет которой был связан одной своей линией с нравоописательностью романтизма и жанром французских «физиологий», другой — с карамзинской «малой» прозой в жанре философского фрагмента, воплощавшей идею человеческой индивидуальности в биографическом и ментальном ее своеобразии. Одним из основоположников жанра биографии писателя в русской литературе не без основания считают П. А. Вяземского. И. Е. Прохорова подчеркивается «особый» характер созданных им биографий, «не исключительно научных и не исключительно художественных», «всегда поучительных», «близких синкретическим публицистическим жанрам» [Прохорова, 2008, с. 33, 46]. Данная характеристика позволяет говорить об очерковой природе жанра. О синкретической природе жанра пишет также Г. В. Казанцева, отмечая его положение на стыке истории, литературы и искусства слова, взаимодействие фактографического повествования с беллетризацией внутренней жизни героя, преображенной сознанием очеркиста [Казанцева, 2015, с. 148–158].

В периодике 1830–1840-х годов биографии писателей были довольно широко распространены: в журнале Н. И. Надеждина «Телескоп» публиковались очерки о Петрарке и Гофмане, в «Московском телеграфе» Н. А. Полевого — о Жан-Поле Рихтере и Поль-Луи Курье, в журнале «Библиотека для воспитания», среди других, — статья И. В. Киреевского «Е. А. Баратынский» (1845). Биографический очерк составил особую жанровую модификацию с подчинением авторской стратегии объекту изображения [Филин, 2007, с. 445].

Развитие жанровой модификации биографического очерка, сложившейся к 1840-м годам, мы находим в творчестве Я. П. Полонского, которого всегда интересовала творческая личность в ее отношении к сущности, законам и задачам искусства, поскольку вне литературного творчества он свое существование не мыслил. Тексты биографических очерков публиковались им в разные годы, что позволяет говорить об устойчивой жанровой тенденции в творчестве писателя.

В качестве объекта исследования нами определены следующие произведения Я. П. Полонского: «Саят-Нова» (1851), «Иван Иванович Соколов» (не завершен и не опубликован, восстановлен по автографу), «Стихотворения Мея» (1859), «Владимир Григорьевич Бенедиктов» (1883), «“Стихотворения А. М. Жемчужникова”: критический разбор стихотворений Я. П. Полонского» (1893), «Л. А. Мей как человек и писатель. (Из литературных воспоминаний)»

(1896). В совокупности они до настоящего времени не становились объектом изучения, хотя представляют собой явление, характерное для русской литературы переходного от романтизма к реализму периода, и связаны, с одной стороны, с очерковой тенденцией в развитии прозы, а с другой, — с распространением особого способа мышления, сочетающего философские, эстетические, научные, художественные начала. А. Э. Еремеевым такой вид мышления, ведущий к созданию «определяющей концепции человеческого “Я”», назван «эссеизмом» [Еремеев, 2020, с. 13].

Целью нашего исследования является системное рассмотрение произведений Я. П. Полонского биографического жанра с точки зрения композиционно-стилевого построения и авторских стратегий.

1. Оформление жанра биографического очерка в творчестве Я. П. Полонского

О законах поэтического творчества Я. П. Полонский задумывался уже в гимназические годы. Одно из его сочинений называлось «О качествах, необходимых писателю, а в особенности поэту» (1837). Эта ученическая работа несет на себе печать русской эстетической мысли первой трети XIX века, в ней изложена художественно-эстетическая позиция, близкая В. А. Жуковскому: утверждается единство нравственного и прекрасного в искусстве, выражение в поэзии «творческой души» писателя. Вслед за Жуковским Полонский-гимназист говорит об истине в искусстве как некоем универсуме, согретом теплом души писателя и им прочувствованном. Его рассуждение развернуто вокруг идеи вовлечения читателя в область истины и «чистой нравственности» [РГАЛИ. Ф. 403. Оп. 1. Д. 8. Л. 2]. Впоследствии эта концепция творчества получит развитие в публицистике и очеркистике Полонского.

Развернутая рефлексия по поводу поэтического творчества представлена в прозаических сочинениях Я. П. Полонского кавказского периода. В тифлисской газете «Кавказ» а 1851 год им был опубликован очерк, посвященный судьбе «певца-сазандаря» Саят-Новы. Очерк написан на основе рукописной тетради со стихами Саят-Новы, полученной Полонским из рук армяноведа Геворка Ахвердова, которым впоследствии тексты были подготовлены к изданию на армянском языке и вошли в книгу «Тифлиссские амкары»¹. По сведениям В. С. Налбандяна, в мае 1848 года Ахвердов приобрел сборник произведений Саят-Новы «Давтар» и после долгого и кропотливого исследования издал 46 песен армянского поэта, снабдив сборник биографическим очерком, примечаниями к словам тифлиссского диалекта и ценными комментариями к некоторым стихам [Налбандян, 1982, с. 35].

Руководствуясь данными о жизни Саят-Новы, полученными из заветной тетради, Я. П. Полонский пишет, что тот был несравненным музыкантом и певцом с чарующим голосом, пользовался покровительством царя Ираклия II, любовью народа и ценителей поэзии. Прежде чем обратиться к поэтическому творчеству, он прошел долгий жизненный путь: занимался ремеслами и «в ранней молодости изобрел какой-то станок для разматывания шерсти и шелку — станок, который, как говорит преданье, значительно облегчал работу», «по собственной охоте стал учиться грамоте и точно так же свободно писал и говорил по-татарски, как и на двух природных языках»² [Полонский, 1851, с. 3].

Знаменитый ашуг предстает в очерке, прежде всего, как творческая личность, сознающая божественное происхождение своего таланта — лишь в тридцатилетнем возрасте он решил стать сазандарем, пройдя через семилетний пост «в честь Иоанна Крестителя, который считался у армян покровителем всех ремесел» [Полонский, 1851, с. 3]. Я. П. Полонский замечает, что Саят-Нова взрастил свои песни из веры и что он поэт, преимущественно, личный, лирический. Сравнивая его песни с песнями кавказцев разной национальности, Полонский не находит в них ни воинственности («конь и шашка, любовь и месть, кровь и плач над трупом убитого»), ни развернутого рассказа из легенд и преданий. Стихи Саят-Новы «торжественно-поучительны», в них звучат нравственные советы.

¹ На источник, полученный от Ахвердова, Полонский указывает в тексте очерка: «...если б наконец не в добрые руки попала эта тетрадка, имя Саят-Новы, навсегда исчезло бы из людской памяти, подобно тысяче имен, достойных жить по крайней мере для двух или трех поколений и невозвратно потерянных для самого ближайшего потомства. Эта тетрадка — импровизации Саят-Новы, записанные им самим, с его собственноручными отметками; она шла из рода в род и старина ее не подлежит сомнению: — бумага заграничная, и на двух страницах, если только рассматривать их к свету, ясно просвечивается 1725 — год ее фабрикации». В примечаниях автора добавляется следующее: «Я видел ее у Г. Ю. Ф. Ахвердова, любителя армянской литературы, и собирателя армянских песен. Ему я обязан возможностью написать статью, предлагаемую читателям Кавказа» [Полонский, 1851, с. 2].

² Здесь и далее сочинения Я. П. Полонского цитируются с адаптацией к новой орфографии.

Не уходит от внимания очеркиста и характер исторического момента. На долю Саят-Новы выпало время, в которое христианские народы Кавказа были вынуждены терпеть притеснение со стороны иноверцев: Тифлис предстает в очерке как город, «состарившийся под игом мусульманского владычества» [Полонский, 1851, с. 7]. Очевидно, что русскому писателю была дорога духовная сила противостояния Саят-Новы, очерк завершается эмоционально насыщенным эпизодом его гибели: «в дряхлой старости» он принял смерть от захвативших город персиян, требовавших отречения от Христа. Обозревая весь жизненный путь своего героя, автор заключает: «Бедный армянин по происхождению, ткач по ремеслу, сазандар, или певец по влечению души своей, гуляка в юности, отшельник в старости, наконец, христианин, с крестом в руках убитый врагами на пороге церкви, — вот кто был Саят-Новая» [Там же, с. 3]. Биография народного певца рассказана от лица человека иного времени и иной культуры, сопровождается описанием и рассуждениями автора о современной ему жизни Тифлиса, где по-прежнему поют свои песни сазандари, но общая культура народного быта меняется под влиянием русского присутствия.

Кроме очевидной биографической описательности текста Я. П. Полонского нельзя не заметить его аналитическую составляющую. Автор дает оценку сочинениям Саят-Новы, подчеркивая их импровизационный характер: «...на него нельзя смотреть как на художника. <...> никогда почти не изменяется тон его песни, — выдержанный с начала до конца, как выражение преобладающего чувства; этот тон дает единство каждому из его стихотворений и заставляет невольно уходить в глубину его сердца, чтоб там искать внутренней связи как бы случайно выброшенных мыслей» [Полонский, 1851, с. 7]. Включенные в текст очерка цитаты из сочинений Саят-Новы убеждают в религиозности его сознания и склонности к духовному философствованию, на что обратила внимание Е. В. Греджева [Греджева, 2019, с. 218].

Итак, на биографическом материале исторического лица Я. П. Полонский выстраивает логику тесной связи творчества поэта с судьбой народа, которому он принадлежит, и утверждает значение индивидуальной человеческой воли, которая многое определяет в его судьбе. Сопровождающие жизнеописание рассуждения автора о таланте и призвании поэта, истинных и ложных ценностях, о душевных достоинствах и божественной природе поэтического вдохновения позволяют говорить об очерковой авторской стратегии в рассматриваемом тексте и эссеистическом способе мышления.

К кавказскому периоду творчества Полонского примыкает написанный несколько десятилетий спустя биографический очерк под названием «Иван Иванович Соколов», не публиковавшийся и не отмеченный исследовательским вниманием, но представляющий определенный интерес для уточнения художественно-эстетической позиции автора [Ушакова, 2019, с. 475–484].

Я. П. Полонский прослеживает весь жизненный путь живописца, от рождения в Астрахани и до момента, в который после кратковременного успеха у публики и коллег в 1860-х годах он исчез с жизненного горизонта очеркиста. Биографическая канва очерка позволяет ему развернуть собственные суждения о таланте художника, особое внимание уделяя полотнам, отражающим кавказские впечатления художника: «Продажа невольниц на восточном берегу Черного моря», «Кавказский пейзаж», «Закавказские цыгане». Каждая из картин отмечена искренним чувством и непосредственной жизненной правдой, естественной простотой письма и яркостью красок, в каждом сюжете достоверно воссоздан народный быт и точно выражены ментальные свойства простых людей. И. И. Соколова автор очерка относит к незначительному числу наиболее одаренных молодых людей и жалеет, что тот не так хорошо известен широкой публике, как другие, уступающие ему в таланте: «Виной этому был характер Соколова — он не искал себе славы» [РО РНБ. Ф 1000. Оп. 1. № 1977. Л. 3].

Несомненно, и это обращение Полонского к жанру биографического очерка было не случайным, его герой близок своим талантом автору. Специфической особенностью наиболее ранних очерков писателя является совмещение пространства изображаемого лица с биографическим пространством автора, сопровождающего рассказ о герое собственными рассуждениями о вопросах жизни и творчества.

2. Концептуализация образа героя очерка

Иначе выстроены биографические описания, обращенные к творческой личности Л. А. Мея, многими свойствами противоположной личности очеркиста. В 1859 году в журнале «Русский вестник» Я. П. Полонским была опубликована статья «Стихотворения Мея», содержащая значительный биографический материал и, что самое важное, позволяющая прояснить принципы,

которыми он руководствовался в определении «поэтической личности» художника и ее значения для восприятия читателем [Полонский, 1859, с. 66–81]. Поставив перед собой задачу оценить поэзию современного ему автора и хорошо знакомого человека, Полонский сознает всю меру ответственности и сразу указывает на вектор своих рассуждений — произведения Мея. В них он стремится найти отпечаток «нравственной физиономии» героя очерка, по ним установить степень соединения в его творчестве индивидуального, «лирического» с общим, универсальным — смыслом человеческого бытия — и «образом нравственных убеждений» [Там же, с. 71].

Автор очерка констатирует, что именно «поэтической личности» за текстами произведений Мея и не видит, поскольку не замечает в них «никакого цельного понятия» [Полонский, 1859, с. 72]. Несмотря на многие достоинства стиля и высокий уровень словесной культуры, богатое знание древней и новой словесности и умение следовать тому или иному стилю в поэзии, Мей не трогает душу читателя, не рождает в ней «живого чувства». В его стихах может быть много «цветов поэзии», рассуждает Полонский, но читатель всегда ищет именно цветок, выросший «на почве поэтической личности» [Там же, с. 80].

Несколько десятилетий спустя, будучи в преклонных годах и в зените своей литературной славы, Я. П. Полонский опубликовал в журнале «Русский вестник» биографический очерк «Л. А. Мей как человек и писатель. (Из литературных воспоминаний)» (1896), в котором добавлял к ранее высказанным оценочным суждениям о творчестве поэта факты его биографии, известные по личному общению. По воспоминаниям очеркиста, знакомство с Меем относилось к началу 1850-х годов и продлилось до его смерти в 1862 году. Из ряда жизненных эпизодов вырисовывается личность человека, несомненно, одаренного и увлеченного писательской и переводческой деятельностью, при этом не обладающего даже малой долей тщеславия и совсем не приспособленного к практической жизни. «Сойтись с Меем было не трудно, — замечает очеркист, — он был равно для всех симпатичен, со всеми одинаков, и думаю даже, не всегда бы отличил врага своего от друга. Может быть у него были и друзья, и враги, но я не могу их вообразить себе...» [Полонский, 1896, с. 105]. Это наблюдение совсем не случайно, Полонский в продолжение своей долгой и очень непростой жизни поддерживал дружеские отношения с очень многими писателями: Ф. И. Тютчевым, И. С. Тургеневым, А. А. Фетом, А. Н. Майковым, И. А. Гончаровым, Ф. М. Достоевским и другими, разделявшими его взгляды на основные вопросы современной жизни, прошлое и будущее Европы и России, при том, что каждый, в силу исключительного дарования, занял свою позицию в противоречивой русской действительности второй половины XIX века. В памяти многих современников Полонский сохранился как человек в высшей степени благородный, открытый и умевший дружить.

Как и в опубликованной ранее статье, в этом очерке Я. П. Полонский, характеризуя Л. А. Мея как писателя, отказывает ему в личностной определенности и творческой самостоятельности, подкрепляя свое мнение суждениями И. С. Тургенева и Н. Ф. Щербины. Первый говорил о виртуозном мастерстве Мея, сравнивая его поэтический дар с исполнительским талантом музыканта, который не может рассматриваться как собственно творческий, второй высказывался в том же роде, высоко оценивал мастерское владение словом и ритмико-стилистическую точность стиха современника, что, однако, не считал достаточным для звания поэта в высоком смысле слова.

Автор очерка развивает приведенные суждения в анализе и комментариях к сочинениям Л. А. Мея. Особенно для него важно то, что по ним нельзя судить о личности автора: «Прочтите все его заимствования из Библии и задайте себе вопрос: был ли Мей человек религиозный? — и никакого ответа не получите. Спросите, какие философские и нравственные идеи руководили им? — и на это тоже никакого намека» [Полонский, 1896, с. 118]. Исходя из результатов анализа, Полонский выделяет в наследии Мея жанр исторической драмы, который как раз и требует от писателя способности к достоверному воспроизведению других характеров и другого времени. Драмы «Псковитянка» и «Царская невеста» по значению ставит сразу после пушкинского «Бориса Годунова».

Иные акценты в создании образа человека и писателя расставлены Я. П. Полонским в его разборе сочинений А. М. Жемчужникова, содержащем биографические сведения о поэте [Полонский, 1893, 38 с.]. Наряду с личными авторскими наблюдениями в качестве источника для биографической составляющей разбора выступает автобиография, опубликованная в первом томе двухтомного собрания стихотворений Жемчужникова, которому и посвящается разбор Полонского [Жемчужников, 1892]. Автор разбора углубляется в мировоззренческую область и находит в автобиографических записках своего героя «ключ к пониманию его политических симпатий и антипатий... к указанию на те идеалы, которые настраивали, так или иначе, поэтический ум его — именно поэтический ум, а не святую лиру, которой струны дрожат и звучат» [Полонский, 1893, с. 2]. Так, угол зрения Полонского определяется им самим: поэт Жемчужников не может быть отнесен

к числу чистых лириков, его поэзия в значительной степени рассудочна и отвечает идеалистическому настрою личности автора.

Биографическая и творческая личность героя очерка включена Я. П. Полонским в широкий контекст, в котором в качестве реалий представлены важнейшие исторические события времени: смена императоров на троне, а вместе с тем и утверждение новой политической линии; отмена крепостного права и последовавшие за ней брожения умов и оппозиция демократически настроенной партии и партии либералов. Не вдаваясь в детали политической ситуации, автор очерка отмечает «лихорадочное» и «болезненное» состояния «той среды, в которой жил и писал Жемчужников», имея в виду так называемое «высшее общество».

В сложившейся ситуации герою очерка трудно оставаться собой, но он не меняет своих убеждений под давлением времени, остается верен идеалам прогресса и любви к отчеству, не скрывает ненависти к социальному злу, насилию, лицемерию и обману. Данный перечень объясняет сам факт обращения Полонского к анализу творчества поэта-современника — названные ценности были особенно ему дороги.

Обращаясь к анализу произведений А. М. Жемчужникова, Я. П. Полонский делает акцент именно на тех, в которых выразилось мировоззрение и общественная позиция поэта. Обобщая свои наблюдения, подчеркивает ту личностную определенность в творчестве, которую так высоко оценил в очерке, посвященном Саят-Нове, и которой не находил в поэзии Л. А. Мея. Более того, очеркист утверждает, что не знает ни одного поэта в Европе и в России, «которого можно было бы так хорошо узнать по стихам его... с его темпераментом, с его общественным положением, с его привычками... насколько он религиозен, насколько практик и хозяин и почему именно ему так ненавистна политика» [Полонский, 1893, с. 14].

Сформирован в очерке Полонского и корпус стихотворений Жемчужникова, которые оцениваются выше тех, в которых отражена полемика с общественным мнением (о произведениях подобного свойства замечено, что «в них сквозит не настроение поэта, а его ум и его убеждения») [Полонский, 1893, с. 23]. В них выражается душевное чувство и воссоздается сама правда русской жизни. Они связаны, главным образом, с уединением на лоне природы, содержат живописные картины деревенского быта и окрашенные теплым чувством пейзажи — «прелестны» «по своей трогательной поэзии...». Полонский цитирует стихотворения Жемчужникова, которые особенно близки его поэтическому чувству, вдохновению и возвышенному строю души:

О, как средь светлого раздолья
Душа блаженствует моя!..
Теперь не то гуляю я,
Не то хожу на богомолье! [Полонский, 1893, с. 19]

Так, оттеняющие творчество поэта историческая и биографическая реальность сопрягаются с концепцией творчества очеркиста и становятся способом для самоосознания личности. Я. П. Полонский использует в написании очерков все доступные ему материалы: документы, разноречивые толкования современников, контекст времени, что в общем-то доступно многим. Но, как справедливо отмечает М. П. Березань, художнику слова доступно и другое: воспроизвести «сокровенные мысли героев, их тайные и явные страсти... их невысказанные печали и сомнения, все то, без чего нет живого человека» [Березань, 2013, с. 24].

Отдельного рассмотрения как наиболее развернутый и подробный требует очерк Я. П. Полонского, опубликованный в первом томе посмертного собрания стихотворений В. Г. Бенедиктова [Полонский, 1883, с. 1–43]. Текст очерка содержит биографические материалы, изложенные с привлечением нескольких печатных и устных источников: статьи Н. В. Гербеля в составленной им антологии «Русские поэты в биографиях и образцах» [Гербель, 1880], воспоминаний Е. А. Карлгоф (Драшусовой) [Жизнь прожить ... , 1881]³, И. И. Панаева, а также анонимные свидетельства. Очерк, соответственно сложившейся модели, содержит сведения о личностном становлении Бенедиктова, его семье, образовании, круге общения, сопровождаемые комментариями и размышлениями автора очерка. Автор убедительно показывает, что личность героя очерка сформировалась в культурной обстановке 1810–1820-х годов, способствующей усилению идеалистических настроений, сообщает о «религиозном мирозерцании» Бенедиктова, называет его

³ Елизавета Алексеевна Драшусова (урожденная Ашанина (Ошанина), в первом браке — Карлгоф; ок. 1816–1884) — русская писательница, хозяйка литературного салона и благотворительница. В Петербурге В. И. Карлгоф ввел молодую жену в круг русских литераторов. Она была знакома с А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским, П. А. Вяземским, И. А. Крыловым, М. Ф. Воейковым, Н. А. Полевым С. М. Строевым, В. Г. Бенедиктовым и принимала их в своем доме. Первый сборник стихов Бенедиктова был опубликован в 1835 году на средства Карлгофа и имел большой успех у читающей публики.

человеком «честным, добрым и в высшей степени кротким» [Полонский, 1883, с. 9–10] с разносторонними увлечениями (литература, издательская деятельность, театр). К собственной оценке Полонский присовокупляет оценку Е. А. Карлгоф, отзывавшейся о нем как о человеке «умном, благородном и с большими способностями» [Там же, с. 16].

Размышления о характере Бенедиктова приводят Полонского к пониманию явного несоответствия в нем внешнего и внутреннего; по его собственным наблюдениям, впечатление от внешнего облика, самого обыкновенного, менялось, когда он приходил в состояние воодушевления: «Он казался чистеньким, скромным, даже несколько застенчивым чиновником — глядел несколько исподлобья, говорил мало, улыбался добродушно, и только изредка в глазах его мелькал огонек светлого ума, и только иногда, когда читал он стихи (свои или чужие), голос его, живой и певучий, возвышался и становился неузнаваемым» [Полонский, 1883, с. 24]. Того же рода преобразование автор очерка наблюдал, будучи свидетелем театральной постановки на сцене домашнего театра с участием Бенедиктова в роли трагического героя, тогда «забывалась его невзрачная, слишком обыденная физиономия». В повседневной жизни он редко открывал свои душевные чувства и сокровенные мысли.

Отдельное внимание в очерке уделено вопросу о неоднозначности критических оценок творчества молодого поэта, получившего большую известность: С. П. Шевырев провозгласил его «поэтом мысли», В. А. Жуковский, прочитав, несколько дней не расставался с томиком стихов и восхищался совершенством формы стихов Бенедиктова, А. С. Пушкин был более сдержан в оценке и отметил лишь одно удачное сравнение (неба с опрокинутой чашей) и «удивительные» рифмы [Полонский, 1883, с. 19–21]. О резкой критике В. Г. Белинского в очерке упоминается через посредство Е. А. Карлгоф, считавшей ее слишком несправедливой. Автор очерка и сам берет на себя роль литературного критика, разбирая достоинства и недостатки поэзии своего героя. В собственных рассуждениях Полонский исходит из оригинальности таланта Бенедиктова: «Он явился самородком. Никого из прежних поэтов не напоминал он звонким, часто блестящим стихом своим...» [Там же, с. 22]. Замечает он и постоянное развитие творческих способностей поэта, стремящегося «к пушкинской простоте стиха», и, что представляется особенно важным, определяет историческую обусловленность и самого явления Бенедиктова в литературе, и кратковременность его славы, которую предвидел сам поэт, называя в пору всеобщего признания свой венец «сомнительным».

Феномен временной славы провозглашенного «новым» в середине 1830-х годов поэта занимал и занимает умы исследователей до сих пор. Наиболее убедительным кажется объяснение ее процессом демократизации читающей публики и формированием широкого слоя потребителей «массовой» культуры. На такого «потребителя» указывал Полонский, когда писал о «значительно уже опошлившейся публике» и о популярности Бенедиктова в обществе, в котором «никто не занимался, даже не думал о политике» и «философия считалась чем-то вроде запрещенного плода» [Полонский, 1883, с. 22]. Эстетическое объяснение этой славы нашел А. Н. Архангельский, писавший в статье «Странная гармония (Поэт В. Г. Бенедиктов)» о временном предпочтении в 1830-х годах славы гармонической поэзии Пушкина «дисгармоничному, нервно-выразительному, напряженно мыслящему» поэту в лице Бенедиктова «по принципу противоположности» [Архангельский, 1990, с. 8].

Слабые места поэзии Бенедиктова Полонский, вслед за современной ему критикой, называл «бенедиктовщиной», которую трактовал как нарушение вкуса, недостаток чувства меры во владении языком: «Он соединял в себе лиризм самый возвышенный и самую пошлую прозу; чувство красоты и отсутствие вкуса; самый искренний патриотизм и полнейшее неведение русского народа; любовь к природе и желание украшать ее, как будто собственных, ей вечно присущих красот, было ей недостаточно» [Полонский, 1883, с. 28]. Рассуждения автора очерка о сильных и слабых сторонах таланта Бенедиктова позволяют читателю найти убедительное объяснение тому и другому. Поэт не случайно назван «самородком», он не получил системного образования, окончив Второй кадетский корпус, не имел возможности учиться в университете. Неровность стиля Полонский склонен объяснять особым типом мышления, обусловленным склонностью к отвлеченным понятиям, умозрительностью жизненных представлений и выдающимися способностями к математике. Не случайно также сравнение «истинного» лиризма Бенедиктова с державинским, который поражает «огнем, свежестью и красотой» [Полонский, 1883, с. 23].

Итак, биографический очерк Я. П. Полонского о В. Г. Бенедиктове, несомненно, синкретичен по природе в той же степени, что и рассмотренные выше. В нем жизнеописание героя сопровождается выходом в биографическое пространство автора очерка, в котором он выступает в качестве свидетеля событий, имеющих литературное, культурное, историческое значение.

Очеркист, с одной стороны, создает достоверный и психологически насыщенный портрет своего героя, а с другой — анализирует художественное явление, разъясняя его историческую, эстетическую, нравственную значимость.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, Я. П. Полонскому-прозаику свойствен устойчивый интерес к биографическому жанру эссеистического типа, сложившегося в романтической прозе и обоснованного П. А. Вяземским. Во-вторых, в центре внимания его как автора биографических заметок оказывается человеческая и творческая судьба художника, в диалоге с которым он проясняет вопросы о сущности, природе и назначении искусства. В-третьих, жанровый синкретизм очерка оказывается наиболее подходящей формой для прояснения названных вопросов и позволяет читателю прикоснуться к тайне художественного дара через посредство наблюдений и умозаключений очеркиста. В-четвертых, основываясь на документально подтвержденных и изустных свидетельствах о личности героя очерка и присовокупляя к ним собственные аналитические наблюдения, очеркист создает концептуально определенный образ, позволяющий читателю вступить в диалог на философско-эстетические темы.

Список источников

1. Архангельский А. Н. Странная гармония (Поэт В. Г. Бенедиктов) // Бенедиктов В. Г. Стихотворения. — М. : Детская лит., 1990. — С. 5–20.
2. Березань М. П. Эволюция жанра биографии // Историческая поэтика жанра / Приамурский гос. ун-т им. Шолом-Алейхема. — 2013. — Вып. 5. — С. 27–32.
3. Гербель Н. В. Русские поэты в биографиях и образах. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1880. — 710 с.
4. Греджева Е. В. Духовный опыт народов Востока в лирике Я. П. Полонского 1840–1850-х годов // Я. П. Полонский: вопросы творческой биографии. — Рязань : Ряз. гос. ун-т имени С. А. Есенина, 2019. — С. 194–220.
5. Еремеев А. Э. Эссеизм как ведущая форма художественной культуры XIX века // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2020. — Т. 14, № 4. — С. 8–16. — DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.4.1.
6. Жемчужников А. М. Стихотворения А. М. Жемчужникова : в 2 т. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1892. — Т. 1–2. — 254 с.
7. Казанцева Г. В. К проблеме жанровой природы жизнеописания // Вестник факультета управления и права Коломенского института (филиала) ФГБОУ ВПО Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ). — 2015. — № 10. — С. 148–158.
8. [Карлгоф Е. А.]. Жизнь прожить не поле перейти. Записки неизвестной // Русский вестник. — 1881. — Кн. 9–11 ; 1882. — Кн. 5 ; 1883. — Кн. 6 ; 1884. — Кн. 5.
9. Налбандян В. С. Певец человека и любви // Полонский Я. Саят-Нова. Стихотворения. — Л. : Сов. писатель, 1982. — С. 35.
10. Полонский Я. П. Саят-Нова // Кавказ. — 1851. — №1, 5 янв. — С. 2–3 ; № 2, 9 янв. — С. 5–8.
11. Полонский Я. П. Стихотворения Мея // Русское слово. — 1859. — № 1. — С. 66–81.
12. Полонский Я. П. Владимир Григорьевич Бенедиктов // Бенедиктов В. Г. Стихотворения В. Бенедиктова / под ред. Я. П. Полонского : в 3 т. — СПб. ; М. : М. О. Вольф, 1883. — Т. 1. — С. 1–43.
13. Полонский Я. П. «Стихотворения А. М. Жемчужникова»: критический разбор стихотворений. Из отчета о девятом присуждении Пушкинских премий в 1893 году. — СПб. : Тип. Императорской Акад. наук, 1893. — 38 с.
14. Полонский Я. П. Л. А. Мей как человек и писатель. (Из литературных воспоминаний) // Русский вестник. — 1896. — № 9. — С. 105–113.
15. Прохорова И. Е. У истоков жанра биографии писателя в России: варианты авторской стратегии (по материалам выступлений П. А. Вяземского-биографа) // Новый филологический вестник. — 2008. — № 1 (6). — С. 33–49.
16. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). — Ф. 403. — Оп. 1. — Д. 8. — Л. 2.
17. Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (РО РНБ). — Ф 1000. — Оп. 1. — № 1977. — 10 л.
18. Ушакова Д. О. Творческий диалог поэта Я. П. Полонского с художником И. И. Соколовым // Феномен творческой личности в культуре: Фатющенко-ские чтения. — Вып. 8 : Материалы VIII Междунар. науч. конф. — М. : Наука, 2019. — С. 475–484.
19. Филин М. Д. О книгах П. В. Анненкова // Анненков П. В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. — М. : Terra-Книжный, 2007. — С. 430–461.
20. Эпштейн М. Н. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX–XX веков. — М.: Сов. писатель, 1988. — 416 с.

References

1. Arhangel'skij A. N. Strange Harmony (Poet V. G. Benediktov). *Benediktov V. G. Stihotvorenija* [Benediktov V. G. Poems]. Moscow, Children's Literature Publ., 1990, pp. 5–20. (In Russian).
2. Berezan' M. P. The Evolution of the Genre of Biography. *Istoricheskaja pojetika zhanra* [Historical Poetics of the Genre]. Amur State University named for Sholem Aleichem Publ., 2013, iss. 5, pp. 27–32. (In Russian).
3. Gerbel' N. V. *Russkie pojety v biografijah i obrazcah* [Russian Poets in Biographies and Images]. St. Petersburg, M. M. Stasjulevich Publ., 1880, 710 p. (In Russian).
4. Gredzheva E. V. The Spiritual Experience of Oriental Peoples in J. P. Polonsky's Poetry of the 1840s–1850s. *Ja. P. Polonskij: voprosy tvorcheskoj biografii* [J. P. Polonsky: Issues of a Creative Person's Biography]. Ryazan, Ryazan State University named S. A. Yesenin Publ., 2019, pp. 194–220. (In Russian).
5. Eremeev A. Je. Esseism as a Leading Form of Artistic Culture of the 21st Century. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovanija* [Humanities: Human Research]. 2020, vol. 14, no. 4, pp. 8–16, DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.4.1. (In Russian).
6. Zhemchuzhnikov A. M. *Stihotvorenija A. M. Zhemchuzhnikova* [A. M. Zhemchuzhnikov's Poems]. St. Petersburg, M. M. Stasjulevich Publ., 1892, vol. 1–2, 254 p. (In Russian).
7. Kazanceva G. V. To the Issue of Nature Description as a Genre. *Vestnik fakul'teta upravlenija i prava Kolomenskogo instituta (filiala) Moskovskij gosudarstvennyj mashinostroitel'nyj universitet* [Bulletin of the Faculty of Management and Law at Kolomensk Institute (Affiliate) at Moscow State Engineering University]. 2015, no. 10, pp. 148–158. (In Russian).
8. Karl'of E. A.. Life Goes On. An Unknown Woman's Diary. *Russkij vestnik* [Russian Bulletin]. 1881, b. 9–11 ; 1882, b. 5 ; 1883, b. 6 ; 1884, b. 5. (In Russian).
9. Nalbandjan V. S. The Singer of Humans and Love. *Polonskij Ja. Sajat-Nova. Stihotvorenija* [J. Polonsky. Sayat-Nova. Poems]. Leningrad, Soviet Writer Publ., 1982, pp. 35. (In Russian).
10. Polonskij Ja. P. Sayat-Nova. Kavkaz [Caucasus]. 1851, no. 1, Jan. 5, pp. 2–3 ; no. 2, Jan. 9, pp. 5–8. (In Russian).
11. Polonskij Ja. P. Mey's Poems. *Russkoe slovo* [Russian Word]. 1859, no. 1, pp. 66–81. (In Russian).
12. Polonskij Ja. P. Vladimir Grigoryevich Benediktov. *Benediktov V. G. Stihotvorenija V. Benediktova* [Benediktov V. G. Poems. V. Benediktov]. Polonskij Ja. P. ed. St. Petersburg, Moscow, M. O. Vol'f Publ., 1883, vol. 1, pp. 1–43. (In Russian).
13. Polonskij Ja. P. "Stihotvorenija A. M. Zhemchuzhnikova": kriticheskij razbor stihotvorenij. *Iz otcheta o devjatom prisuzhdenii Pushkinskih premij v 1893 godu* ["A. M. Zhemchuzhnikov's Poems: a Critical Analysis of Poems. From a Report about Pushkin's Award in 1893]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1893, 38 p. (In Russian).
14. Polonskij Ja. P. L. A. Mey as a Person and a Writer (Literary Memoirs). *Russkij vestnik* [Russian Bulletin]. 1896, no. 9, pp. 105–113. (In Russian).
15. Prohorova I. E. To the Sources of the Genre of Writer's Biography in Russia: Authors' Devices and Strategies (P. A. Vyazemsky's Biographies). *Novyj filologicheskij vestnik* [New Philological Bulletin]. 2008, no. 1 (6), pp. 33–49. (In Russian).
16. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva* [Russian State Archive of Literature and Art]. F. 403, Op. 1, D. 8, L. 2. (In Russian).
17. *Rukopisnyj otdel Rossijskoj nacional'noj biblioteki* [The Manuscript Department of the Russian National Library]. F. 1000, Op. 1, no. 1977, 10 l. (In Russian).
18. Ushakova D. O. The Poet J. P. Polonsky's Dialogue with an Artist I. I. Sokolov. *Fenomen tvorcheskoj lichnosti v kul'ture: Fatjushhenkovskie chteni, vypusk 8 : Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [The Phenomenon of Creative Personality in Culture: Fatyushchenovsky Readings, issue 8: Proceedings of the 8th International Research Conference]. Moscow, Science Publ., 2019, pp. 475–484. (In Russian).
19. Filin M. D. About P. V. Annenkov's Books . *Annenkov P. V. Materialy dlja biografii Aleksandra Sergeevicha Pushkina* [P. V. Annenkov's Materials of Alexander Sergeevich Pushkin]. Moscow, Terra-Book Publ., 2007, pp. 430–461. (In Russian).
20. Jepshtejn M. N. *Paradoksy novizny. O literaturnom razvitanii XIX–XX vekov* [The Paradox of Novelty. About Literary Development in the 19th–20th Centuries]. Moscow, Soviet Writer Publ., 1988, 416 p. (In Russian).

Информация об авторах

Федосеева Татьяна Васильевна — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: история и теория русской литературы, методология литературоведческих исследований, русская поэзия, предромантизм, романтизм, неоромантизм, Г. Р. Державин, Ф. И. Тютчев, Я. П. Полонский, С. А. Есенин.

Ушакова Дарья Олеговна — соискатель кафедры литературы и журналистики Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: русская литература XIX века, повествовательные стратегии, русская очеркистика, проза М. Ю. Лермонтова, Я. П. Полонского.

Information about the authors

Fedoseyeva Tatiana Vasilyevna — Doctor of philology Professor in the Department of Literature and Journalism at Ryazan State University named for S. Yesenin.

Research interests: history and theory of the Russian literature, methodology of literary research, Russian poetry, pre-romanticism, romanticism, neo-romanticism, G. R. Derzhvin, F. I. Tyutchev, J. P. Polonsky, S. A. Yesenin.

Ushakova Daria Olegovna — Postgraduate of the Department of Literature and Journalism at Ryazan State University named for S. Yesenin.

Research interests: Russian literature of the 19th century, narrative strategies, Russian essays, M. Yu. Lermontov's prose, J. P. Polonsky.

Статья поступила в редакцию 11.11.2021; одобрена после рецензирования 26.11.2021; принята к публикации 03.12.2021.

The article was submitted 11.11.2021; approved after reviewing 26.11.2021; accepted for publication 03.12.2021.